

Конспект 5 главы Н. Ф. Фёдоров из книги В.В. Зеньковского "История русской философии"

Самостоятельная работа по дисциплине «Философия». Карточку можно сохранить и запросить в приоритетную проверку.

Эта версия заново собрана из разрешённого текста. Исходные свойства Office, комментарии, исправления, вложения, изображения и внешние связи в неё не переносились.

Текст материала

□ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Факультет прикладной психологии Кафедра управления социальной сферой

Самостоятельная работа

По дисциплине «Основы русской философии» На тему «Конспект 5 главы «Н. Ф. Фёдоров» из книги В.В. Зеньковского "История русской философии"»

Проверил К.филос.н, профессор Малинов Алексей Варельевич

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2022 г.

Николай Федорович Федоров родился от внебрачной связи князя П.И. Гагарина и крепостной крестьянки (по другим сведениям — пленной черкешенки) в 1828 г. Когда кн. Гагарин скончался (1832 г.), мальчик, получивший фамилию от крестного отца, вместе с матерью и другими детьми от нее же, должен был покинуть отцовский дом. Впрочем, семья была достаточно обеспечена, судя по тому, что Николай Федорович мог получить образование в гимназии в г. Тамбове. По окончании гимназии Н.Ф. поступил на юридический факультет Ришельевского лицея в Одессе, но оставался в нем всего 3 года. с 1854 по 1868 г. он переменил семь городов, служа учителем истории и географии в низших школах, и именно в эти годы сложились основы его мировоззрения, как об этом свидетельствует его верный последователь И. Петерсон (впоследствии один из издателей сочинений И.Ф. Федорова). С 1868 г. Федоров переходит на службу в Москву и очень скоро получает место в Румянцевском Музее, где он оставался на службе 25 лет. Последние годы жизни, уже уйдя в отставку (с пенсией в 17 р. 50 к. в месяц), Федоров начал снова работать в библиотеке при Архиве Министерстве Иностранных дел (в Москве). Все время службы Н.Ф. Федоров жил крайне скудно, поистине — аскетически. Его жалование было менее 400 р. в год, а от прибавок к жалованию он постоянно отказывался. От своего ничтожного жалования Федоров ухитрялся отдавать часть своим служителям в музей и разным «стипендиатам» — нищим, являвшимся к нему в определенные сроки за получением своих «стипендий». При жизни Федоров не

печатал почти ничего, а если печатал, то всегда без подписи, но писал очень много. Близкие к нему люди В.А. Кожевников и Н. Петерсон издали в двух томах сочинения Федорова — и в соответствии с духом учения его — эти сочинения не были предназначены для продажи — их можно было получить бесплатно у издателей, которые отказались от всяких своих прав. В декабре 1903 г. Федоров заболел воспалением легких и скончался. Для Федорова существенно решительное противление тому, чтобы только установить правильное понимание жизни: необходимо от понимания перейти к осуществлению того, что нам открывается. Поэтому он называет свою установку — «проэктивной»: «к истории, — пишет он, —

нужно относиться не «объективно», т. е. безучастно, и не «субъективно», т. е. с внутренним лишь сочувствием, а «проэктивно», т. е. превращая знание «в проект лучшего мира». Без этого, пишет он, «знание принимается за конечную цель», дело «заменяется мирозерцанием» — и пред нами чистая «идеолатрия или культ идей». Федоров ставит в упрек философам именно то, что они «мысли придают большее значение, чем действию»; о Сократе он говорит, что он «от обожания идолов перешел к обожанию идей, и это обожание в Платоне перешло в решительное отделение мысли от дела». Поэтому, по мысли Федорова, мы «присутствуем при смерти философии». «Чтобы сделаться знанием конкретным и живым, философия должна стать знанием не только того, что есть, но и того, что должно быть, т. е. она должна из пассивного умозрительного объяснения сущего стать активным проектом должствующего быть, проектом всеобщего дела». Федоров не боится всех выводов своего «проэктивного», т. е. творческого отношения и к истории, и к природе и называет его «эстетическим толкованием бытия и создания». «Наша жизнь, — тут же пишет он, — есть акт эстетического творчества». С другой стороны, по его мысли, «природу в том несовершенном виде, в каком она, по человеческому незнанию и безнравственности, и поныне пребывает, нельзя в строгом смысле даже признать произведением Бога — ибо в ней предначертания Творца частью еще не выполнены, а частью даже искажены». Федоров становится на точку зрения метафизического геоцентризма и антропоцентризма; «Идея не субъективна, но и не объективна — она проэктивна». Это понимание познания заходило у Федорова так далеко, что он считал, что раз нам дано познавать вселенную, то, значит, дано и владеть ею — нам предстоит «не только посетить, но и населить все миры вселенной». «Сего ради и создан человек», — заключает свои размышления об этом Федоров. Такова позиция Федорова в отношении смысла и возможностей познания. Начавши с критики «бездейственного знания», его позиция, в силу той общей метафизики, которая у него созрела, привела его к гносеологической утопии, которую мы только что охарактеризовали. Если вчитаться в произведения Федорова, то очень скоро станет ясным, что два болезненных

чувства «язвили» его души определяли его мысли и построения. Первое чувство, которое мучительно томило его, — это чувство людской разобщенности и отсутствия братских отношений; второе чувство, может быть, не менее властно владевшее его душой, — невозможность забыть о всех тех, кто ушел уже из жизни. Эта неутолима я жажда Царства Божия, как полноты, как жизни «со всеми и для всех», не была простой идеей, но была движущей силой всей его внутренней работы, страстным горячим стимулом всех его исканий — его критики окружающей жизни, его размышлений о том, как приблизить и осуществить Царств о Божие. Именно потому можно с полным правом сказать, что все вдохновение в творчестве Федорова определялось этой всецелой и горячей устремленностью к Царству Божию; это превращает все его творчество в христианскую философию, — и если Федоров в ряд е своих построений далеко отходит от Церкви и церковного мировоззрения, то это не ослабляет подлинности его всецелой погруженности в темы христианства. Для Федорова ясно, что благодаря основной неправде современная цивилизация, выросшая на «небратской» жизни, «держится только вечным страхом и насилием», — а так названная «нравственность» в современном мире есть в сущности «нравственность купеческая или

утилитарная». Кроме «неродственных отношений людей между собой», не следует упускать из виду «неродственное отношение природы к людям» — в природе «чувствующее принесено в жертву бесчувственному» (т. е. живое приносится в жертву неживому) — поэтому вопрос о преодолении «неродственности» между людьми нельзя отделять от «слепоты» природы в отношении к нам. Федоров не раз возвращается к теме о неправильности отделения антропологии от космологии». Если «природа пока остается адской силой», то это не есть «естественный» и «неизменный» порядок вещей, — человек призван владеть природой и преобразовать «хаос» бытия в космос. Но на пути ко всем этим задачам стоит «последний враг» — смерть: «неродственность», столь болезненно переживаемая Федоровым в отношении к современности, приобретает уже трагический смысл, когда вспомним о тех, кто стал жертвой смерти, чья жизнь оборвалась навсегда. Все своеобразие мысли Федорова именно в этой точке достигает св

оего высшего напряжения и раскрытия. Федоров в этом пункте, конечно, стоит всецело на христианской точке зрения, которая есть, прежде всего, благовестие о победе над смертью, благовестие о том, что человеку предстоит обрести в «будущей» жизни всю полноту своего бытия через воскресение. Внутренняя сращенность социальной темы и темы о смерти, о неправде в одной и в другой сфере крепко сидела у Федорова. «Бедность человека заключается в его смерти», — читаем у него формулу, постоянно повторяющуюся. Или: «Бедность будет существовать до тех пор, пока существует смерть». Будучи глубоким противником пассивности и примиренчества в отношении ко злу (к смерти), Федоров всей силой обрушивается на эту пассивность. Он считает всякий *amor fati* «вершиной безнравственности» и, противопоставляя этой *amor fati* — «величайшую, безусловную ненависть к Року» — *odium fati*, Федоров зовет к борьбе со смертью. «Смерть, — пишет он, — есть торжество силы слепой, не нравственной», и «тот не достоин жизни и свободы, кто не возвратил жизнь тем, от коих ее получил». «Сама природа, — пишет в одном месте Федоров, — в человеке сознала зло смерти, сознала свое несовершенство».

Таким образом, в учении Н. Н. Федорова в отличие от многих религиозных, философских и научных концепций смерти, последняя не является чем-то фатальным, неизбежным и непреодолимым. У Федорова смерть прозрачна и постижима, она не является тайной, к которой нет доступа. Человеческий разум при определенном нравственном настрое на смерть как на зло и причину всеобщей розни, способен исправить «ошибку природы» и претворить слепые смертоносные силы природы в разумные и животворящие. В этом долг человека, его нравственная миссия не только перед ушедшими, но и перед будущими поколениями. При этом, необходимо отметить, что такое отношение к смерти, на что не раз указывали различные авторы, приводит к рационализации и сциентизации процессов рождения и смерти, которые, несмотря на мощь человеческого разума, остаются в своей сущности такими же загадочными и непостижимыми явлениями, какими они были на протяжении всей истории человечества. Непостижимость смерти, при всей ее удручающей враждебности для человека, все-таки сохраняет для человека некую трансцендентную надежду. При всем трагизме смерти, ее наличие является знаком метафизической тайны бытия, поскольку никакие человеческие усилия (в том числе и научные) не могут привести к победе над смертью в условиях человеческого существования. Но нравственное неприятие смерти, о котором так много говорил Н. Ф. Федоров, является показателем человеческой духовности, а значит, истинной человечности. Не забудем, что, по мысли Федорова, если не будет имманентного воскрешения, произойдет трансцендентное воскресение — но оно уже приведет к отдалению достойных вечной радости от недостойных, подлежащих осуждению. Федоров всецело принимает учение о возможности «воскресения для вечного наказания» («я буквально верю в это», — пишет он), но он ищет, как он выражается, «полного и всеобщего спасения — вместо спасения неполного и не всеобщего, при коем одни (грешники) осуждаются на вечные муки, а

другие (праведники) на вечное созерцание этих мук». Недоразумение в понимании основных идей и основного пафоса у Федорова было, конечно, не у одного Вл. Соловьева. Хотя Федоров в ответ на письмо Соловьева написал сбоку: «Воскрешать каннибализм, т. е. вос

крешать смерть! Какая нелепость!» — но, как указывал автор, Федоров давал, к сожалению, не раз повод к такому недоразумению... Основное убеждение Федорова, что «человечество призвано быть орудием Божиим в спасении мира», конечно, вовсе не устраняет благодати Божией в этом спасении. Федоров строил «Философию Общего Дела», систему «проэктивной» философии, т. е. философии «действия», а не пассивного созерцания мира. Именно эта черта и связывает Федорова со всей русской философией, и в диалектике русских философских исканий Федорову принадлежит свое законное место. Слабость всей системы Федорова не в его исходном вдохновении, не в его жажде «полного и всеобщего спасения», далее не в том, что он ставил ударение на «трудовой задаче» человечества в этом спасении, а в том, что он наивно (как вообще все Просвещение) верил, что разум и сознание человека могут осуществить сами по себе эту задачу. Трагической запутанности человека в истории, трагическому самообессиливанию человечества он противопоставлял свою оптимистическую веру в исцеляющее влияние «совокупного действия», свою веру в техническую регуляцию природы. Это было наивно, это было в духе Просвещения, неизжитых его установок, но основное вдохновение Федорова о борьбе со смертью так сияет светом христианского благовестия о воскресении, что этого сияния не могут ослабить наивные формы, в какие выливалась мысль об активном соучастии людей в спасении, открытом для нас подвигом Христа. И не то надо ценить в Федорове, что в свете идеи спасения он с такой глубокой правдой обличал грехи современной культуры, а то, что он поставил в основу всей своей системы идею «всеобщего спасения». Это сияющее видение Царства Божия в полноте и силе было центральным у Федорова, и оттого в истории русской философии, всегда захваченной религиозными темами, Федорову принадлежит особое место. Дух утопизма веет вообще над русской мыслью, и это есть свидетельство столько же радикальной обращенности ее к «последним» целям истории, сколько и неумения связать с живой исторической реальностью (без насилия над нею) эти цели. Но пути историософии вообще определяются взаимной неустранимостью идеала и реальности, конца истории и ее нынешней диалекти

ки. Утопизм Федорова есть свидетельство не слабости его философского дарования, а непреодолимой пока трудности сочетать идеал и историю, «всеобщее спасение» с живой реальностью нашего бытия.

Используйте материал как ориентир: проверяйте источники, требования преподавателя и не сдавайте чужой текст как свой.